

ЗМЕЙСКИЙ РАННЕАЛАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

© 2022 г. В. Ю. Малашев^{1, *}, М. А. Бакушев^{2, **}, Р. Ф. Фидаров^{3, ***},
Б. З. Караев^{3, ****}, А. С. Леонтьева^{1, *****}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² ООО «Археологическое общество Кубани», Ростов-на-Дону, Россия

³ Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия

*E-mail: malashev@yandex.ru

**E-mail: bakart@mail.ru

***E-mail: ziglo@yandex.ru

****E-mail: aslesgor@mail.ru

*****E-mail: ananyeno@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.12.2020 г.

После доработки 19.01.2021 г.

Принята к публикации 01.06.2021 г.

Статья посвящена анализу катакомб аланской культуры второй половины II — первой половины V в. из могильника Змейского городища. Могильник сближается с некрополями аланской культуры Среднего Терека, объединенными в ее локальный вариант. Для оценки хронологии важны также материалы из культурного слоя Змейского городища. Нижняя граница комплекса памятников оценивается по находкам амфор, ранние из которых датируются второй четвертью II — концом II/началом III в. Верхнюю границу определяют гончарные горны VII — начала VIII в.; для ее уточнения важны материалы могильников Брут 2, Бесланского и поздней группы захоронений Нижнего Джуглата, не выходящие за пределы середины VII в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, некрополь Змейского городища, катакомбы, вторая половина II — первая половина V в.

DOI: 10.31857/S0869606322010135

При раскопках на Змейском комплексе памятников (РСО-Алания), известном с середины 1950-х годов по работам экспедиции Е.И. Крупнова, были зафиксированы катакомбы, относящиеся к некрополю Змейского городища первой пол.—сер. I тыс. н.э. Они были обнаружены в 1982 г. Р.Ф. Фидаровым в верхней (южной) части могильника развитого Средневековья на территории карьера кирпичного завода (рис. 1, Л); позднее им же (1993, 1997, 1998, 2001, 2002 гг.) и Б.З. Караевым (1999 г.) там были выявлены и другие комплексы этого круга. В 2001 и 2003 г. Б.З. Караевым были исследованы курганы 1 и 2 Змейского курганного могильника, расположенного на склоне Кабардино-Сунженского хребта в виде полосы шириной 400–450 м и протяженностью около 1 км и начинающегося в 350 м к ЮЗ от Змейского городища. В 2013 г. М.А. Бакушевым в северной части Змейского катакомбного могильника (рис. 1, Л), на краю первой терской террасы (раскоп IV), были раскопаны катакомбы 1–3, располагавшиеся за пределами границ средневекового Змейского могильника. На сегодняшний

день имеется серия из 16 комплексов первой пол.—сер. I тыс. н.э.

Большая часть погребений — бескурганные (рис. 1, II — 2, II; 3, I–III; 4, II — 7, Л). Кат. 202 (рис. 2, III) и 340 (рис. 3, IV; 4, Л) имели ровики¹, что подразумевает первоначальное наличие насыпей. Ровики (сохранились фрагментарно) квадратной в плане и трапециевидной в сечении формы ориентированы сторонами по промежуточным сторонам света; у ровика катакомбы 340, размерами в плане 13 × 13 м по внутреннему контуру, в СВ части зафиксирована перемычка. Кург. 1 имел диаметр 15 и высоту 0.7 м, кург. 2 — диаметр 18 и высоту 0.65 м (материалы комплексов представлены на рис. 7, II; 8).

Почти все погребения ограблены в древности, часть их нарушена карьером кирпичного завода или средневековыми катакомбами. Захоронения совершены в катакомбах, у которых длинная ось входной ямы перпендикулярна длинной оси ка-

¹ Кат. 202 исследована в 1993 г.; ее ровик, выявленный в 1994 г., в отчете был интерпретирован как комплекс 213.

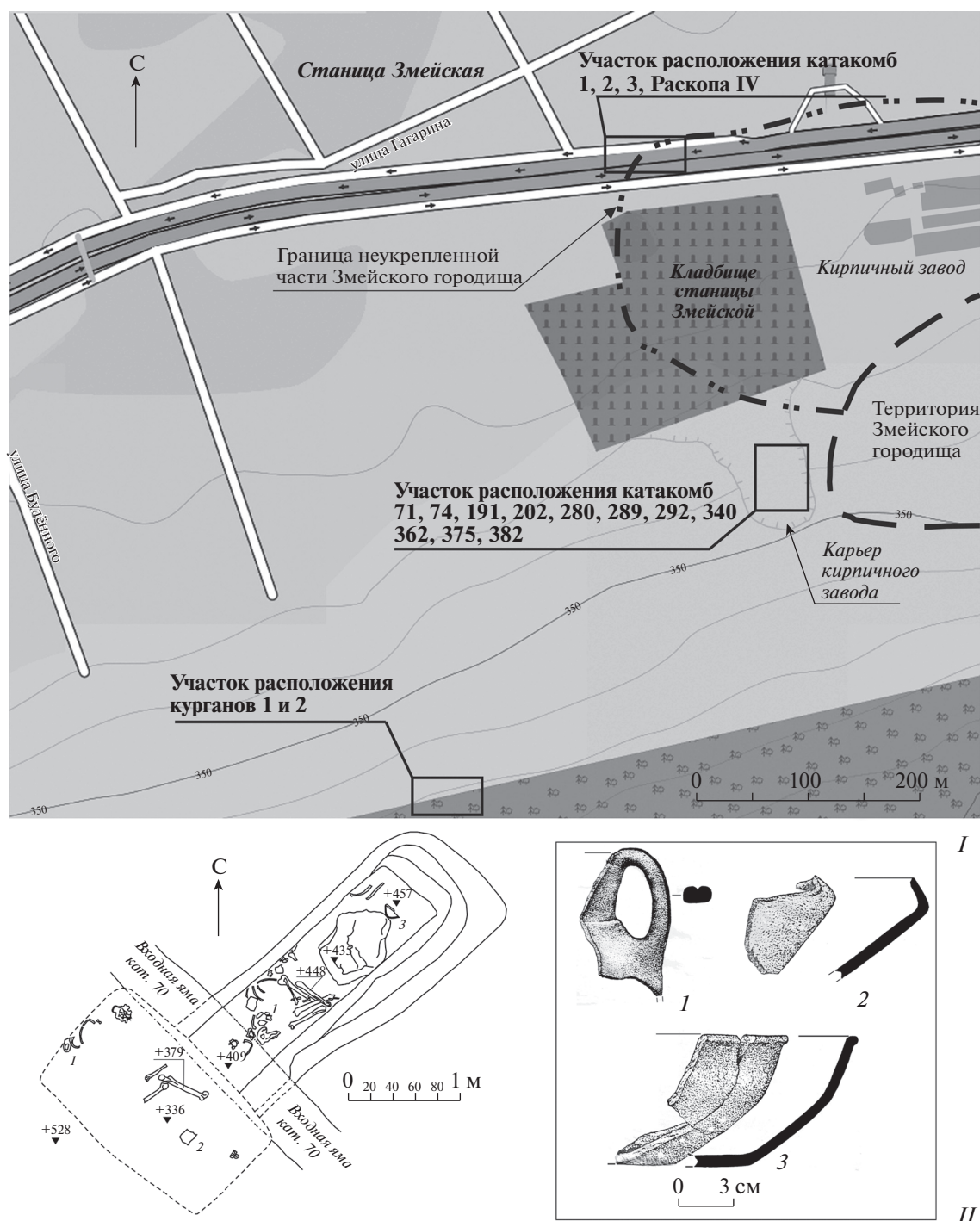

Рис. 1. Змейский могильник. Ситуационный план исследованных погребальных комплексов и катакомба 71: I – ситуационный план; II – катакомба 71, план погребения и находки: 1 – фрагмент кувшинчика, 2, 3 – фрагменты мисок (здесь и на рис. 2–5 и 7 номера находок на врезках соответствуют их номерам на планах погребений).

Fig. 1. Plan of the investigated burial complexes (I) and catacomb 71 (II)

меры (тип I по: Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999). Входные ямы, ориентированные длинной осью по линии ЗЮЗ–ВЗВ, ЮЗ–СВ, ЮЮЗ–ССВ или Ю–С, были прямоугольной или трапецевидной в плане формы с расширением к

входу в камеру, который находился в передней (западно-юго-западной, юго-западной, юго-юго-западной или южной) стенке. Зафиксированы ступеньки трех разновидностей: у задних стенок по всей ширине входной ямы (рис. 2, II; 3, I, II; 5,

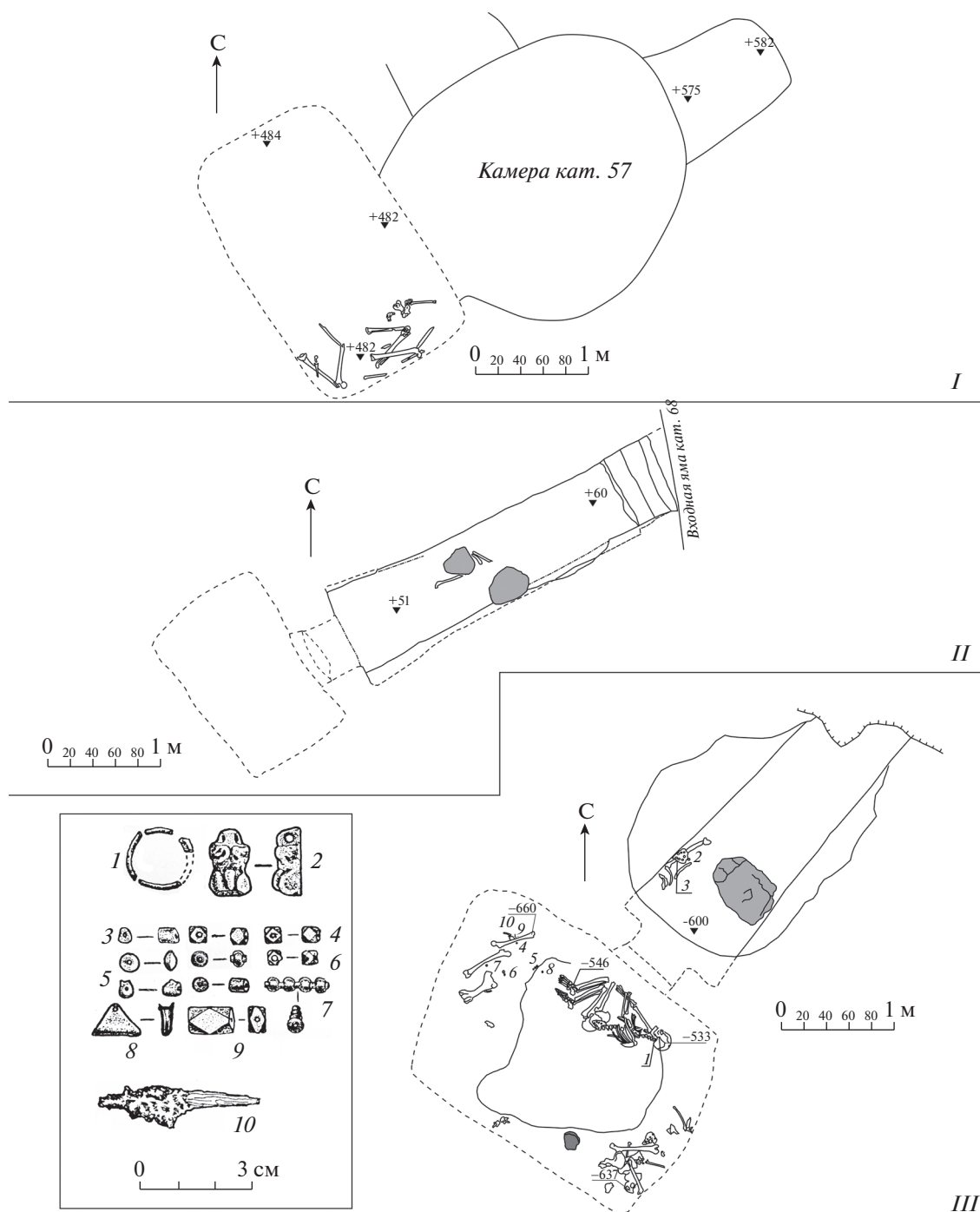

Рис. 2. Катакомбы 74, 191, 202: *I* – катакомба 74, план погребения; *II* – катакомба 191, план погребения; *III* – катакомба 202, план погребения и находки: 1 – бронзовая серьга, 2 – фаянсовая подвеска, 3–7 – стеклянные бусы, 8 – золотая накладка, 9 – сердоликовая бусина, 10 – железный нож.

Fig. 2. Catacombs 74 (*I*), 191 (*II*) and 202 (*III*)

III, *IV*; 7, *I*, *II*), вдоль боковой (северо-западной или западно-северо-западной) стенки (рис. 3, *III*; 4, *I*, *II*) и угловые (рис. 7, *III*). Во входных ямах часто находились закладные камни, смещенные при ограблении. Вход в камеру ненарушенной

кат. 2 раскопа *IV* был закрыт закладом из крупного камня, а также четырьмя крупными гальками по краям, служившими для забутовки щелей и по периметру был обмазан глиной для обеспечения герметизации (рис. 5, *III*). Обмазка глиной у вхо-

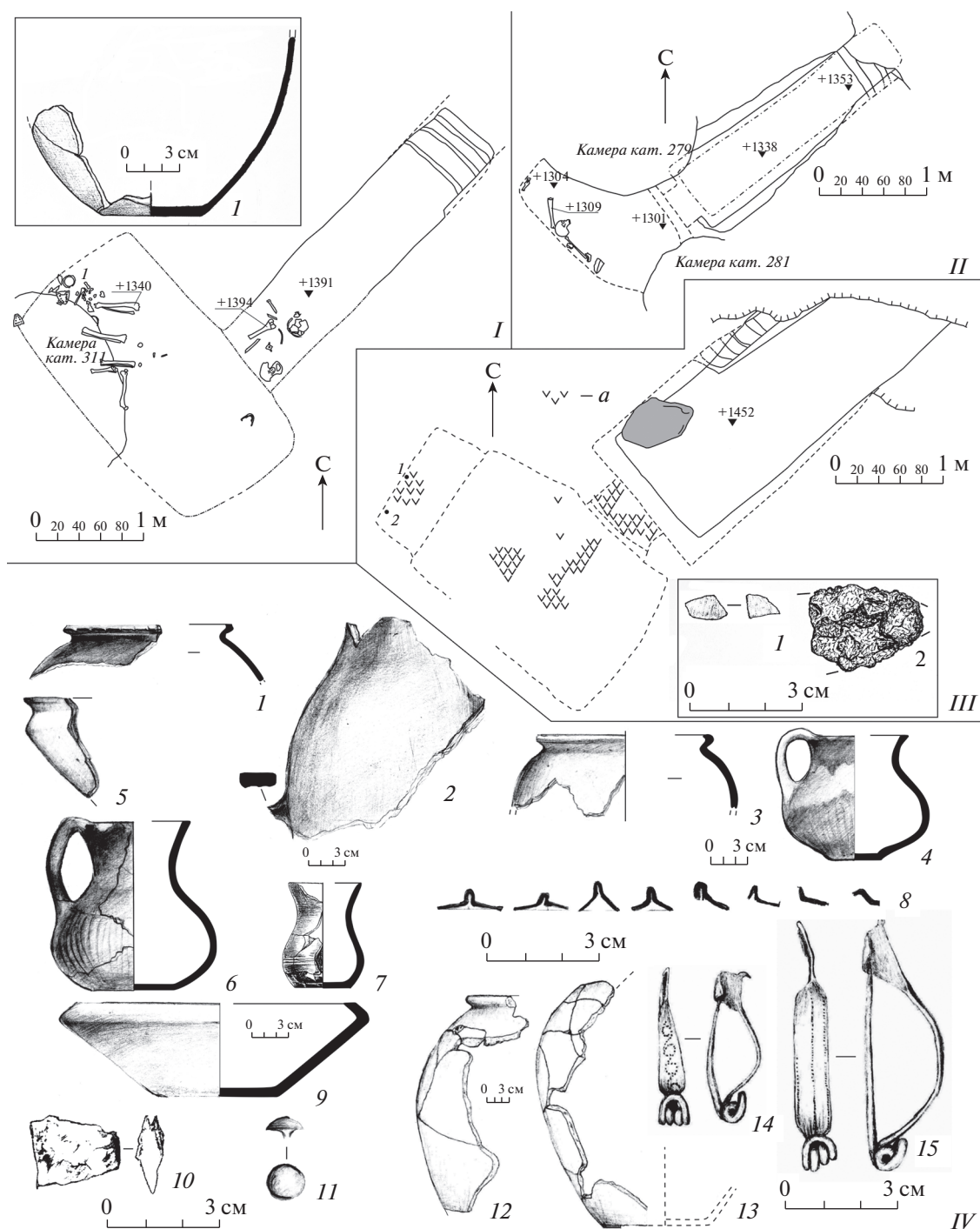

Рис. 3. Катакомбы 289, 280, 292, 340: I – катакомба 289, план погребения и находки: 1 – фрагмент сосуда; II – катакомба 280 план погребения; III – катакомба 292, план погребения и находки: 1 – фрагмент серебряного предмета, 2 – фрагмент железного предмета; IV – катакомба 340, находки: 1, 3 – фрагменты горшков, 2 – фрагмент двуручного кувшина, 4, 6, 7 – кувшинчики, 5, 9 – фрагменты мисок, 8 – бронзовые шпильки, 10 – фрагмент железного меча, 11 – бронзовая бляшка, 12, 13 – сосуды (из заполнения ровика), 14, 15 – бронзовые фибулы (номера позиций 1–11 соответствуют номерам находок на плане погребения на рис. 4, I). Условные обозначения: а – древесный уголь.

Fig. 3. Catacombs 289 (I), 280 (II), 292 (III) and 340 (IV)

да и на закладном камне зафиксированы в кат. 1 и 3 раскопа IV. Входные ямы с камерами соединяли дромосы.

Камеры прямоугольной или неправильной овальной в плане формы ориентированы длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ, СЗ–ЮВ, ЗСЗ–

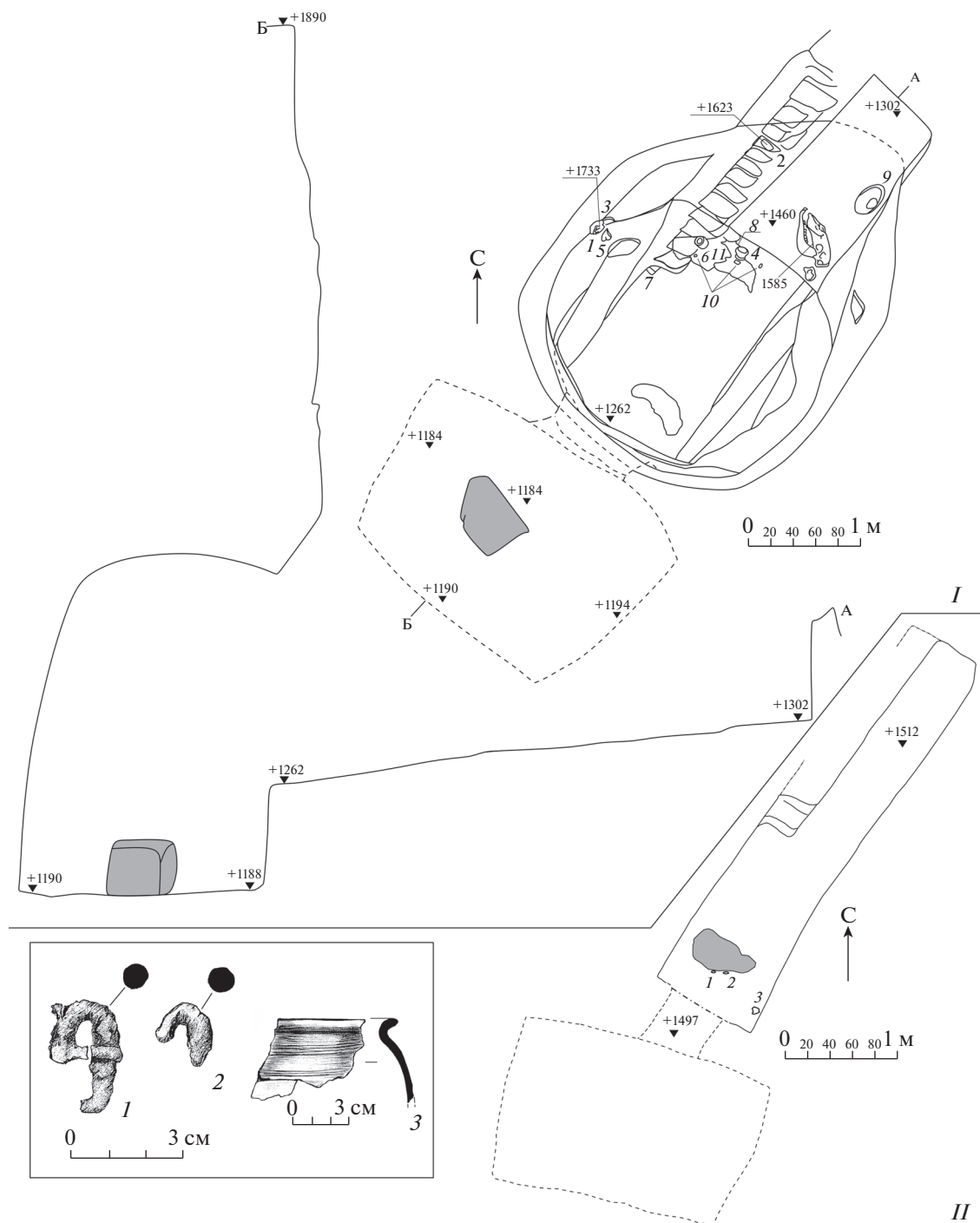

Рис. 4. Катакомбы 340 и 362: *I* – катакомба 340, план погребения: 1, 3 – фрагменты горшков, 2 – фрагмент двуручного кувшина, 4, 6, 7 – кувшинчики, 5, 9 – фрагменты мисок, 8 – бронзовые шпильки, 10 – фрагмент железного меча, 11 – бронзовая бляшка; *II* – катакомба 362, план погребения и находки: 1, 2 – фрагменты железных пряжек, 3 – фрагмент горшка.

Fig. 4. Catacombs 340 (*I*) and 362 (*II*)

ВЮВ, ЗЮЗ–ВСВ или З–В перпендикулярно длинной оси входной ямы. Конструкция камеры кат. 292 была осложнена полкой высотой 0.34 м у северо-западной стенки (рис. 3, *III*). Свод камер в

большинстве случаев был вынесен вверх от входа и, видимо, был арочной, стрельчатой или трапециевидной в разрезе формы. В кат. 3 (раскоп IV) свод имел горизонтальный участок при входе и

далее понижался к передней стенке камеры (рис. 7, I). В кат. 340 и в кургане 1, судя по высотой (0.7 и 0.74 м) ступеньке в камеру, свод первоначально понижался от входа к передней стенке (рис. 4, I; 7, II); в кургане 2 свод резко понижался от входа (рис. 7, III). На стенках камеры кат. 292 прослеживались следы инструмента шириной до 14 см.

В заполнении входных ям встречались кости погребенных и погребальный инвентарь, выброшенные из камеры при ограблении. Во многих погребениях на дне камер фиксировалась посыпка древесным углем от сжигания веток и сучьев на стороне.

Катакомба 71. В заполнении входной ямы и камеры встречены фрагменты кувшинчика (рис. 1, II, I) и двух мисок (рис. 1, II, 2, 3).

Катакомба 202 (рис. 2, III). В заполнении входной ямы встречены подвеска из голубого фаянса (рис. 2, III, 2) и стеклянные бусы (рис. 2, III, 3). В камере обнаружены кости трех погребенных. *Скелет 1* находился при входе, на слое затека, перекрывавшего дно камеры. Погребенная была положена в скорченном положении на правом боку головой на ЮВ. Правая рука вытянута и отставлена от туловища; кисть — у коленей. Левая рука согнута в локте под тупым углом; кости предплечья перекрывали предплечье правой руки. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах под острым углом. Под черепом найдены фрагменты бронзовой серьги (рис. 2, III, I). Кости *скелетов 2 и 3*, смещенные при ограблении и совершении повторного захоронения (*скелет 1*), находились на дне камеры у северо-западной и юго-восточной стенок. Среди костей погребенных обнаружена бедренная кость лошади(?), а также стеклянные бусы (рис. 2, III, 4–7), золотая накладка на венчик деревянного сосуда (рис. 2, III, 8), сердоликовая бусина (рис. 2, III, 9) и фрагмент железного ножа (рис. 2, III, 10).

В камере были совершены два разновременных захоронения: первичное (*скелеты 2 и 3*) и повторное (*скелет 1*). После совершения первичного захоронения катакомба была ограблена, в результате чего кости погребенных были смещены к боковым стенкам камеры или выброшены во входную яму. Спустя не очень продолжительное время, когда дно камеры у входа покрылось слоем затека, было совершено повторное захоронение.

Катакомба 289 (рис. 3, I). В камере обнаружены кости двух погребенных и придонная часть сосуда у северо-западной стенки (рис. 3, I, I). *Скелет 1* находился ближе к входу в камеру. *In situ* сохранились кости голеней и правой стопы в северо-западной части камеры. Судя по их положению, погребенная была положена в скорченном положении на правом боку головой на ЮВ. *Скелет 2* находился у передней (юго-западной)

стенки камеры. *In situ* сохранились кости голеней и левого бедра в центральной части камеры: погребенный (подросток?) был положен в скорченном положении на правом боку головой на ЮВ.

Катакомба 292 (рис. 3, III). В камере обнаружены кости трех погребенных, фрагменты железного (клинка?) (рис. 3, III, 2) и серебряного предметов (рис. 3, III, I).

Катакомба 340 (рис. 4, I). В заполнении ровика находились развалы двух крупных сосудов (рис. 3, IV, 12, 13). Внутри контура ровика, в СВ части на древнем горизонте, обнаружены две бронзовые фибулы (рис. 3, IV, 14, 15). В заполнении входной ямы встречены выброшенные при ограблении из камеры фрагменты железного меча (рис. 3, IV, 10), бронзовые бляшка и шпильки (рис. 3, IV, 8, 11), два кувшинчика с ручками, крепящимися верхними прилепами к венчику² (рис. 3, IV, 4, 6), кувшинчик без ручки (рис. 3, IV, 7), фрагменты горшков (рис. 3, IV, 1, 3), двуручного кувшина (рис. 3, IV, 2) и двух мисок (рис. 3, IV, 5, 9), череп лошади.

Катакомба 362 (рис. 4, II) (Фидаров, Тотаева, 2019. С. 232–236). В заполнении входной ямы обнаружены фрагменты двух железных пряжек (рис. 4, II, 1, 2) и верхняя часть горшка (рис. 4, II, 3).

Катакомба 375 (рис. 5, II) не содержала инвентаря.

Катакомба 382 (рис. 5, I) была уничтожена карьером, сохранилась юго-восточная часть камеры. В камере находились кости двух погребенных — взрослого и подростка. *In situ* сохранились бедренные кости и кости голени левой ноги подростка у юго-западной стенки. Судя по ним, погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Очевидно, что взрослый погребенный располагался ближе к входу и лежал головой также на ЮВ. В камере обнаружены три астрагала (рис. 5, I, I) и две бронзовые пряжки (рис. 5, I, 2, 3). В отвале карьера, под исследованной камерой, найдены бронзовая пряжка (рис. 5, I, 4), стеклянные бусы (рис. 5, I, 5–7) и фрагменты предмета из тонкого бронзового листа (рис. 5, I, 8).

Раскоп IV катакомба 1 (рис. 5, IV). В заполнении и на дне камеры находились кости мужчины и женщины 20–35 лет³. У входа обнаружены фрагменты стеклянного сосуда и железной пряжки (рис. 5, IV, I).

Раскоп IV катакомба 2 (рис. 5, III; 6). В западно-юго-западном углу, справа от входа, стоял

² У одного из них (рис. 3, IV, 4) на венчике зафиксированы следы ремонта: асимметрично расположенные бронзовые заклепки, крепившие сложенные пополам бронзовые пластины.

³ Антропологические определения погребенных в катакомбах 1–3 раскопа IV выполнены С.Ю. Фризенем (ИЭА РАН).

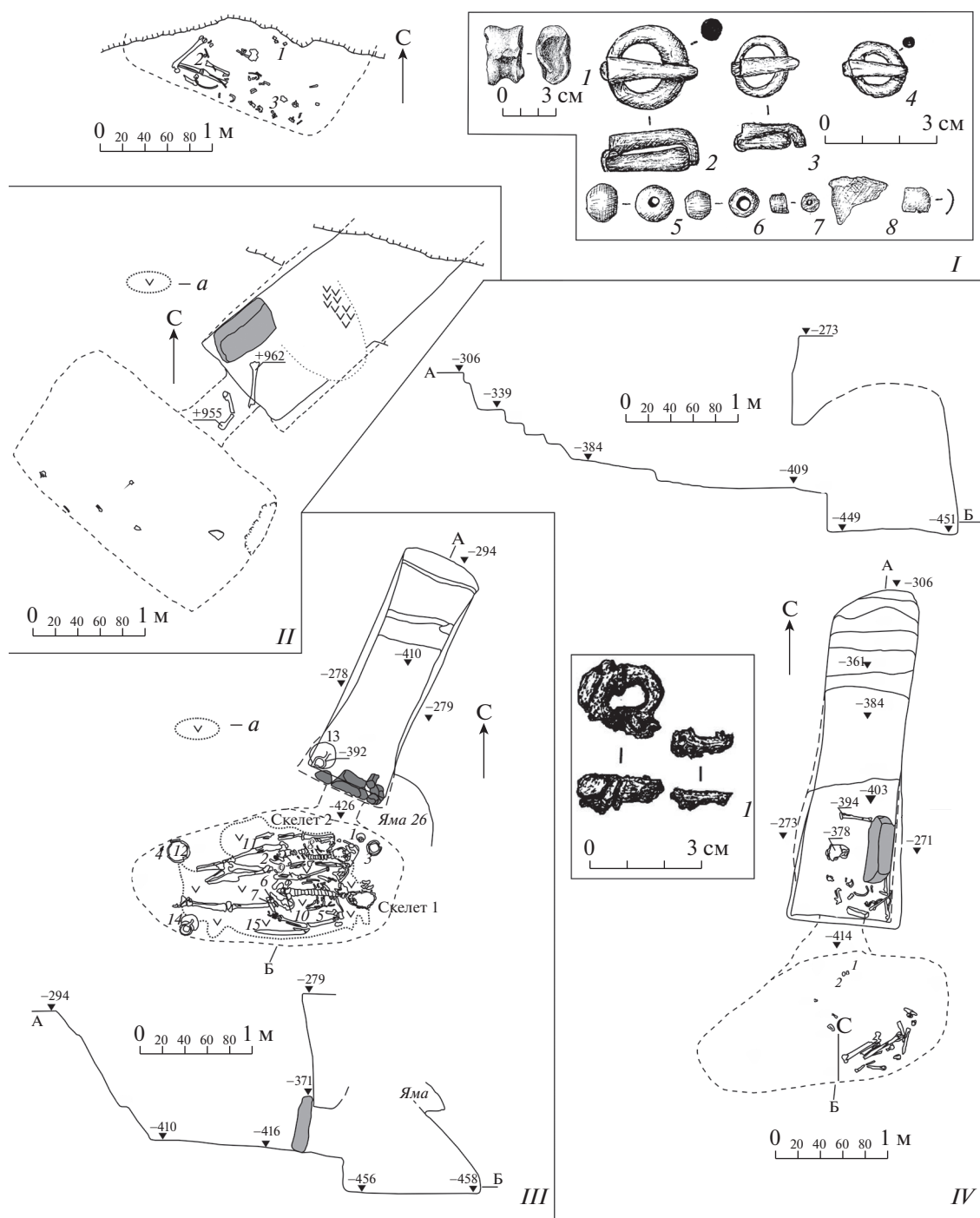

Рис. 5. Катакомбы 382 и 375; раскоп IV катакомбы 2 и 1: I – катакомба 382, план погребения и находки: 1 – астрагалы (3 шт.), 2–4 – бронзовые пряжки, 5–7 – стеклянные бусы, 8 – фрагменты бронзового предмета; II – катакомба 375, план погребения; III – раскоп IV катакомба 2, план погребения: 1 – сосуд, 2, 6 – бронзовые пряжки, 3 – кружка, 4, 5 – железное шило, 7, 11 – железные ножи, 8, 9 – стеклянные бусы, 10 – железная пряжка, 12 – миска. 13 – кувшин, 14 – кувшинчик, 15 – железный кинжал; IV – раскоп IV катакомба 1, план, разрез погребения и находки: 1 – фрагменты железной пряжки, 2 – фрагменты стеклянного сосуда. Условные обозначения: а – древесный уголь, зола.

Fig. 5. Catacombs 382 (I) and 375 (II); excavation site IV, catacombs 2 (III) and 1 (IV)

Рис. 6. Раскоп IV катакомба 2. Находки: 1 – сосуд, 2, 6 – бронзовые пряжки, 3 – кружка, 4, 5 – железное шило, 7, 11 – железные ножи, 8, 9 – стеклянные бусы, 10 – железная пряжка, 12 – миска, 13 – кувшин, 14 – кувшинчик, 15 – железный кинжал (номера позиций соответствуют номерам находок на плане погребения на рис. 5, III).

Fig. 6. Excavation site IV, catacomb 2. Finds

кувшин (рис. 6, 13). В камере было совершено парное захоронение. *Скелет 1* находился у южной стенки камеры. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на В. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты вдоль оси туловища. Между левой рукой погребенного и южной стенкой камеры находился железный кинжал, лежавший острием к ногам (рис. 6, 15).

На крестце обнаружена железная пряжка (рис. 6, 10). Поверх левой бедренной кости лежал железный нож (рис. 6, 7), рядом с ним – бронзовая пряжка (рис. 6, 6). У южной стенки, напротив стопы погребенного, стоял кувшинчик (рис. 6, 14). В костном тлене тазовых костей обнаружены фрагменты железных шила (рис. 6, 5) и ножа (рис. 6, 7). *Скелет 2* находился ближе к входу в

камеру. Кости правой руки скелета 1 перекрывали часть грудной клетки и левое крыло таза скелета 2, а кости левой ноги — правую ногу скелета 2. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на В. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты вдоль оси туловища и сведены в голени. За головой погребенного стояли миниатюрный сосуд (рис. 6, 1) и слабообожженная кружка (рис. 6, 3). В верхней части грудной клетки обнаружены 6 стеклянных бусин (рис. 6, 8), у кисти левой руки — крупная стеклянная бусина (рис. 6, 9). На костях таза находилась бронзовая пряжка (рис. 6, 2). Рядом с кистью правой руки лежал железный нож (рис. 6, 11). У северной стенки находились миска (рис. 6, 12) и фрагмент железного шила (рис. 6, 4).

Раскоп IV катакомба 3 (рис. 7, 1). В заполнении входной ямы обнаружены фрагменты кувшина (рис. 7, 1, 1). На дне камеры находились кости погребенного (подростка 13–15 лет) в перемещенном состоянии. Исходя из их расположения, погребенный, видимо, лежал головой на ВСВ.

Курган 1 (рис. 7, II). Во входной яме и камере встречены кости трех погребенных и сохранившийся после ограбления инвентарь: фрагменты миски (рис. 7, II, 4), кувшинчик (рис. 7, II, 1), кусок мела, бусы и бисер (рис. 7, II, 2, 3) и фрагменты железных предметов.

Курган 2 (рис. 7, III; 8). Под насыпью на уровне древнего горизонта обнаружены развалы светлоглиняной амфоры (рис. 8, 25), сероглиняного пифоса (рис. 8, 23) и каменный терочник (рис. 8, 22). Вследствие ограбления кости двух погребенных и сохранившийся инвентарь находились в перемещенном состоянии: фрагменты двух мисок (рис. 8, 2, 18), одна из которых декорирована по внутренней поверхности пролощенным декором в виде двойной горизонтальной линии с примыкающими к ней сверху тройными ломаными линиями; небольшой лепной горшок (рис. 8, 8), фрагменты небольшого пифоса (рис. 8, 12), кувшина (рис. 8, 16), фрагменты трех сосудов (рис. 8, 20, 21, 24), железная пряжка (рис. 8, 4), железное кольцо с прямоугольным зажимом (рис. 8, 19), бронзовый наконечник ремня (рис. 8, 7), фрагмент железного ножа (рис. 8, 14), две бронзовые, плакированные снаружи золотой фольгой и остатками кожаной основы с обратной стороны листовидные бляхи, относящиеся к сбруйному набору (рис. 8, 11), железный и бронзовый браслеты (рис. 8, 3, 10), бронзовая серьга (рис. 8, 5), полусферические (11 шт.) и в виде розеток (17 шт.) золотые бляшки и золотые сферической формы бусы (64 шт.) (рис. 8, 17), янтарные (2 шт.), 14-гранные сердоликовые (7 шт.) и стеклянные бусы и бисер (рис. 8, 1, 9, 13, 15).

В материалах аланской культуры раннего этапа выделяются две группы погребений: 1) ката-

комбы с меридионально ориентированными входными ямами и камерами у северных стенок; 2) катакомбы с широтно ориентированными входными ямами и камерами у западных стенок. Первые характерны для памятников предгорной полосы центральных и восточных районов региона (Бесланский, Брут 1 и 2, Экажевские 1-е курганы, Алхан-Кала и др.; Малашев, Торгоев, 2018. С. 37), вторые — для некрополей Среднего Терека (Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I и др.; Абрамова, 1997. С. 97; Малашев и др., 2018; 2020). Эти различия, а также ряд обрядовых признаков и особенности керамического комплекса дают основания рассматривать памятники двух территорий как локальные варианты аланской культуры раннего этапа (Малашев и др., 2020. С. 447, 448).

У катакомб могильника Змейского городища входные ямы ориентированы в секторе от ЗЮЗ—ВСВ до Ю—С с расположением камер у западно-юго-западных, юго-западных, юго-юго-западных, южных стенок и сближаются с погребальными сооружениями памятников Среднего Терека. Некоторые отличия в ориентировке входных ям змейских катакомб от ориентировки у катакомб Среднего Терека (в секторе от ЮЗ—СВ до ЮВ—СЗ) и расположении камер (у юго-западных, западных и северо-западных стенок) у первых, видимо, связаны с особенностями ландшафта, на котором располагался некрополь — повышающимся к ЮЮВ склоном Кабардино-Сунженского хребта, и являлись результатом адаптации к нему (примерно параллельно изолиниям) стандарта катакомб Среднего Терека с широтной ориентировкой входной ямы и камерой с З.

Катакомбы, расположенные на двух участках (в верхней и нижней частях склона), конструктивно несколько различаются. У первых (кат. 71, 74, 191, 202, 280, 289, 292, 362, 375, 382) (рис. 1, II—5, II) ступеньки расположены вдоль боковой (северо-западной, западно-северо-западной) (рис. 3, III; 4) или у задней стенки входной ямы (рис. 1, II; 2, II; 3, I, II), хорошо выраженный дромос длиной 0.4–0.55 м, прямоугольные камеры с вынесенным вверх сводом. У вторых (раскоп IV, кат. 1–3) (рис. 5, III, IV; 7, I) ступеньки только у задней стенки входной ямы, более короткий дромос (0.15–0.35 м), камеры неправильной овальной формы.

Особенности конструкции первой группы находят аналогии как в памятниках предгорной полосы (Воронин, Малашев, 2006. Рис. 56; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 33, 113, 118; Габуев, 2014. Рис. 2, 15, 17, 34, 36, 38, 40, 42, 44), так и на Среднем Тереке (Абрамова, 1997. Рис. 4, 13; 5, I, 5, 13; Малашев и др., 2020. Рис. 6, I; 7, I; 10, I). Узкие прямоугольные или трапециевидные входные ямы в сочетании со ступеньками вдоль боковой

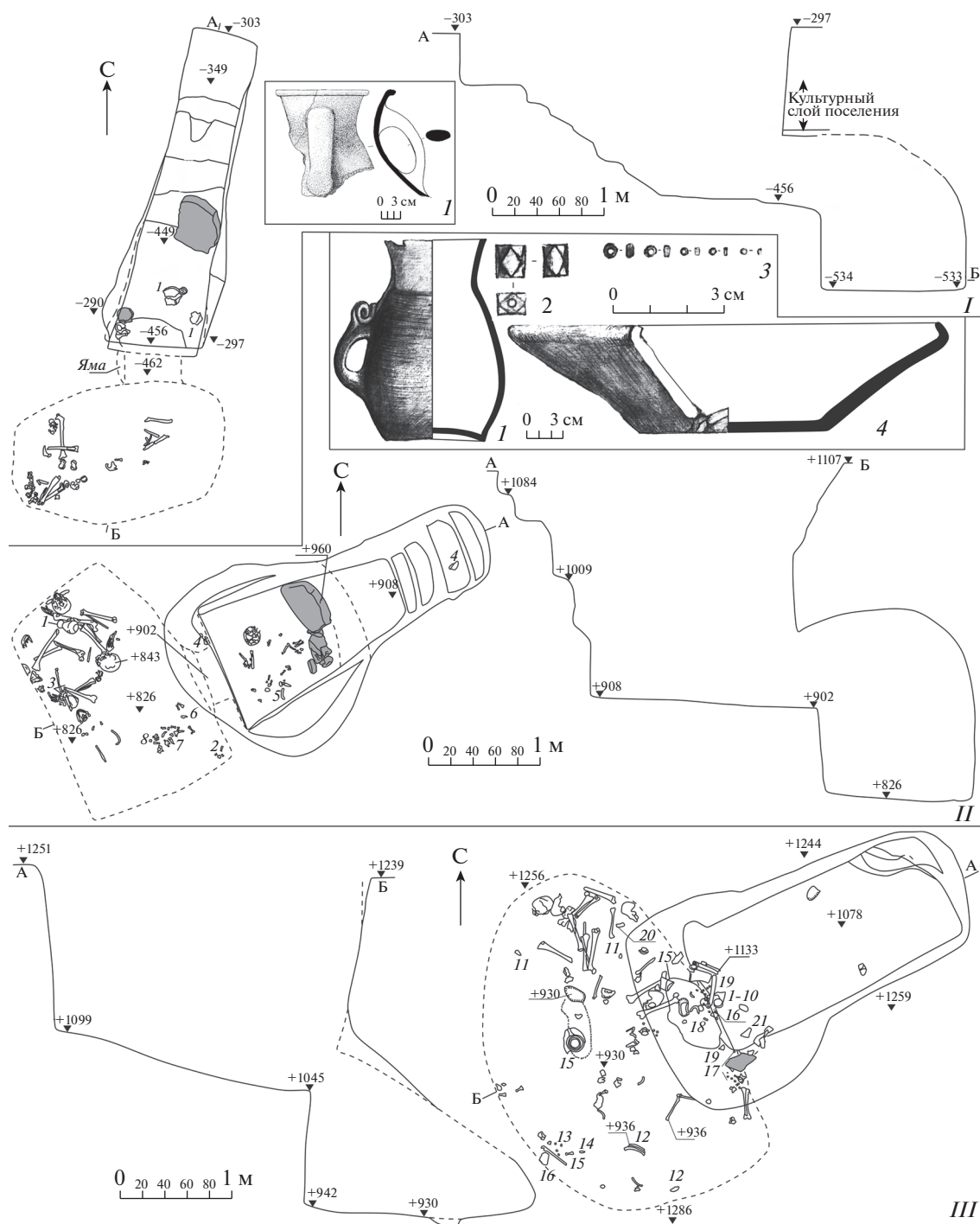

Рис. 7. Раскоп IV катакомба 3 и курганы 1 и 2: I – раскоп IV катакомба 3, план, разрез погребения и находки: 1 – фрагмент кувшина; II – курган 1, план, разрез погребения и находки: 1 – кувшинчик, 2 – бусина, 3 – бисер, 4, 7 – фрагменты миски, 5 – мел, 6, 8 – фрагменты железных предметов, III – курган 2, план и разрез погребения: 1 – бусы янтарные, 2 – фрагменты миски, 3 – железный браслет, 4 – железная пряжка, 5 – бронзовая серьга, 6 – фрагмент сосуда, 7 – бронзовый наконечник ремня, 8 – лепной горшок, 9 – стеклянная бусина, 10 – бронзовый браслет, 11 – бронзовые бляхи, плакированные золотом, 12 – фрагменты пифоса, 13 – бусы сердоликовые, 14 – фрагмент железного ножа, 15 – стеклянные бисер и бусы, 16 – фрагмент кувшина, 17 – золотые бусы и бляшки, 18 – миска, 19 – железное кольцо с зажимом, 20, 21 – фрагменты сосудов.

Fig. 7. Excavation site IV, catacomb 3 (I); mounds 1 (II) and 2 (III)

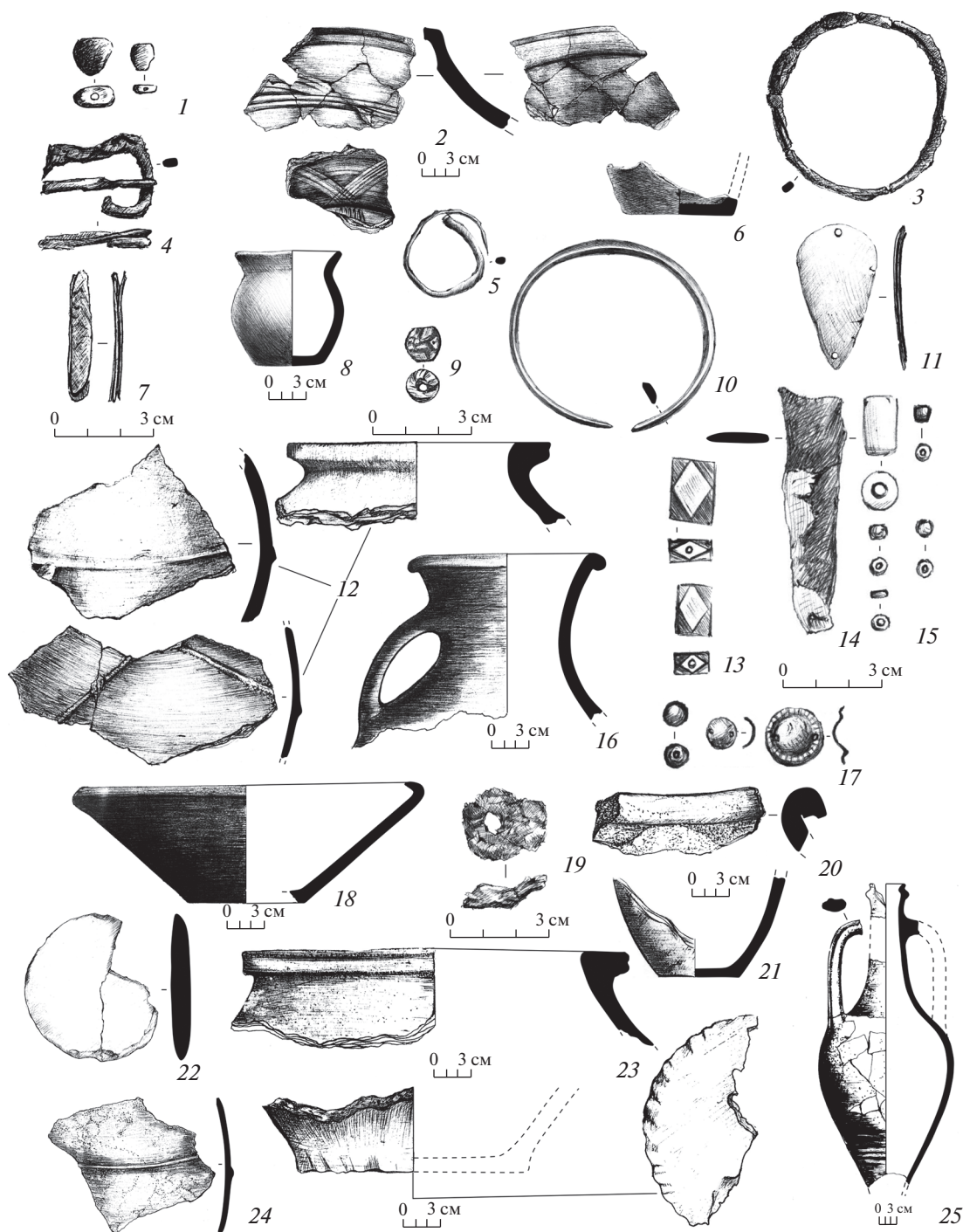

Рис. 8. Курган 2. Находки: 1 – янтарные бусы, 2 – фрагменты миски, 3 – железный браслет, 4 – железная пряжка, 5 – бронзовая серьга, 6 – фрагмент сосуда, 7 – бронзовый наконечник ремня, 8 – лепной горшок, 9 – стеклянная бусина, 10 – бронзовый браслет, 11 – бронзовые бляхи, плакированные золотом, 12, 23 – фрагменты пи́фосов, 13 – сердоликовские бусы, 14 – фрагмент железного ножа, 15 – стеклянные бисер и бусы, 16 – фрагмент кувшина, 17 – бусы и бляшки золотые, 18 – миска, 19 – железное кольцо с зажимом, 20, 21, 24 – фрагменты сосудов, 22 – каменный терочник, 25 – светлоглиняная амфора; 1–21 (номера позиций соответствуют номерам находок на плане погребения на рис. 7, III), 22, 23, 25 – с древнего горизонта, 24 – из погребения.

Fig. 8. Mound 2. Finds

стенки наиболее характерны для IV в., в основном его второй половины (Малашев, Торгоев, 2018. С. 39), но использовались и в начале V в. Появление аналогичных погребений, но со сравнительно широкими прямоугольными и трапециевидными входными ямами, фиксируется в памятниках Среднего Терека и относится к первой пол.—сер. III в. (Малашев, 2018. Рис. 191, 354, 702, 1020, 1036, 1165, 1286, 1332; 2019. Рис. 312, 735). Ступеньки у задней стенки входной ямы по всей ширине, в сочетании с узкой прямоугольной или трапециевидной ее формой, появляются в финальные десятилетия IV в. (Малашев, 2019. Рис. 1860—1876, 1285—1305; Малашев и др., 2020. С. 446. Рис. 8) и получают широкое распространение в V в. Вынесенный вверх от входа свод стрельчатой или трапециевидной в разрезе формы появляется во второй пол. III в. (Малашев и др., 2020. С. 443) и получает широкое распространение в IV в. и позже (V в.).

Показательными для оценки хронологии являются ременные гарнитуры. Фрагменты двух железных пряжек из катакомбы 362 (рис. 4, II, 1, 2) с узкими овальными, утолщенными в передней части рамками, встречающаяся в развитии IV в. (Храпунов, 2002. Рис. 75, 38; 115, 9; 134, 16; 177, 9, 10; 200, 6; 213, 6), получают распространение в комплексах региона гуннского времени (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 112, 1; 121, 3; Малашев и др., 2015. Рис. 99, 8; Яковчик и др., 2018. Рис. 1, 9, 10; Малашев, 2019. Рис. 1303, 18; 1313, 3; 1438, *Он.* 6; 1691, 5; 1987, 4; Гавритухин и др. 2020. С. 238); ранние образцы встречены во второй пол. III в. (Малашев, 2018. Рис. 1174, *Он.* 882; 1448, 7). Бронзовая пряжка из катакомбы 382 (рис. 5, I, 2) с округлой утолщенной в передней части рамкой и язычком с высоким уступом у основания, заходящим в передней части за середину сечения рамки и охватывающим ее почти на всю высоту, характерна для комплексов последних десятилетий IV—начала V в. (Gavritukhin, 2018. Р. 49, 50; Малашев и др., 2015. С. 100. Рис. 204, 1—9; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 35, 2—4; Габуев, 2014. Рис. 30, 6—9; Яковчик и др., 2018. Рис. 1, 5; Малашев и др., 2020. Рис. 8, 3, 4). Другая пряжка из этого комплекса (рис. 5, I, 3) с округлой рамкой и хоботковым язычком с высоким уступом у основания датируется, главным образом, концом IV (рубежом IV/V) — первой пол. V в. (Засецкая, 1993. Табл. 11, 14, *а-в*; 26, 106, 109, 112, 115; 47, 219; 49, 231 и др.; Засецкая, 1994. Табл. 4, 11; 5, 11; 16, 9, 10 и др.; Амброз, 1989. Рис. 6, 4, 6, 8; 7, 1, 2; 9, 3—5, 7; 10, 5, 6; 11, 2—4; 13, 1—3; Габуев, 2014. Рис. 7, 2, 4; 8, 2; 11, 1; 14, 7—10; и др.). Подобные пряжки встречаются в регионе и позднее, но в данном случае нет оснований для их поздней датировки.

Из катакомбы 202 происходит золотая накладка треугольной формы на венчик деревянного сосуда (рис. 2, III, 8); аналогии представлены в ком-

плексах гуннского времени региона (Габуев, 2014. Рис. 22, 6; 33, 4; 47, 7).

Учитывая хронологию находок и компактное расположение катакомб 71, 74, 191, 202, 280, 289, 292, 362, 375, 382, их конструктивное сходство, можно предложить для них датировку в рамках последних десятилетий IV—первых десятилетий V в.

На данном участке конструкцией и инвентарем выделяется катакомба 340. Одна из фибул в ней (рис. 3, IV, 14) принадлежит группе 13-3 (Амброз, 1966. С. 46), датируемой I—первой пол. III в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 134). Другая (рис. 3, IV, 15) относится к группе 12-4а, редкой для центральных и восточных районов Северного Кавказа; датировка А.К. Амброза — вторая пол. II—III в. (1966. С. 44). Декор кувшинчиков в виде смыкающихся вертикальных каннелюр (рис. 3, IV, 4, 6) появляется в первой пол. III в. (Малашев и др., 2018. Рис. 5, 1; Малашев, 2018. Рис. 185, 2; 375; 507, 1; 739, 1; 2019. Рис. 350, *Он.* 9; 566, 1) и существует до начала V в. (Малашев и др., 2020. Рис. 10, 4). Кувшинчик без ручки (рис. 3, IV, 7) находит серию аналогий в некрополях Среднего Терека III—IV вв. (Малашев и др., 2018. Рис. 4, 1) и является диагностической формой для данного варианта аланской культуры. Узкодонные миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 3, IV, 9) существуют на протяжении большей части раннего этапа аланской культуры, постепенно сменяясь в рамках второй пол. IV в. широкодонными формами. С учетом фибул данный комплекс может датироваться первой пол.—сер. III в., чему в целом соответствует конструкция ступенек (см. выше) в сочетании с более широкими пропорциями входной ямы и сводом, понижающимся от входа к передней стенке камеры.

Отличия конструкции катакомб второй группы — неправильной овальной формы камера, более короткий дромос и небрежность в выполнении ступенек у задней стенки входной ямы — корреспондируют с хронологической оценкой погребального инвентаря.

Железные пряжки со сравнительно узкими овальными, утолщенными в передней части рамками (рис. 6, 10), пряжки с округлой утолщенной в передней части рамкой и язычком с высоким уступом у основания, заходящим в передней части за середину сечения рамок и охватывающим ее на всю высоту (рис. 6, 6) и пряжки с утолщенной в передней части рамкой и массивным хоботковым язычком с высоким уступом у основания, заметно выходящим за пределы рамки (рис. 6, 2), были рассмотрены выше.

Широкодонные миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 6, 12) получают распространение со второй пол. IV и преобладают в первой пол. V в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 116, 117. Рис. 127, 16—23;

см. также Абрамова, 1997. Рис. 12, 8, 9, 20; Габуев, 2014. Рис. 39, 7). Кувшинчик с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, и туловом, орнаментированным узкими не смыкающимися каннелюрами (рис. 6, 14), может соотноситься с разновидностями сосудов Кр. 4 и Кр. 4/18 и датироваться начиная с первой пол. V в. (Малашев, 2001. С. 17, 23, 38, Рис. 55; 58; 59; 67). Остальные сосуды (рис. 6, 1, 3, 13) не дают узких датировок.

Короткий меч из кат. 2 с вырезами у пяти клинка (рис. 6, 15) относится по А.М. Хазанову к типу 5; исследователь предположил, что происхождение этих мечей связано с Кавказом, а появление относится к IV в. Большая их часть происходила с территории Северо-Западного Кавказа, в основном с черноморского побережья (Хазанов, 1971. С. 17, 24, 116). Наиболее полно данные предметы вооружения картографировал М.Е. Левада (2013. Рис. 2–4)⁴; он предложил их нижнюю дату — рубеж III/IV вв. (может быть, вторая пол. III в.) и назвал территорию формирования — районы Западного Прикаспия (С. 172, 174). О.А. Радюш указывает на середину—вторую пол. III в. как возможное время появления клинков с вырезами и разбирает вопрос о характере использования данного вида вооружения — в качестве клинкового или древкового (Радюш, 2014. С. 232), приводит примеры их изготовления из обломков длинных мечей (С. 236). Принимая данную аргументацию, отметим, что в значительной части случаев, когда данные предметы зафиксированы *in situ*, они находились рядом с верхней частью туловища (или поверх нее) и лежали острием к голове, что не характерно для положения клинкового оружия в погребениях. По всей видимости, рассматриваемые предметы вооружения могли использовать и как клинковое, и как древковое оружие.

Находки этих предметов в погребальных комплексах центральных и восточных районов Северного Кавказа носят эпизодический характер и встречаются в захоронениях, датирующихся не ранее конца III в.: Дербентский могильник погр. 4 и Кишпек кург. 13 (Кудрявцев, Гаджиев, 1991. Рис. 12, 6; Бетров, 1987. Рис. III, 7). Датировка кат. 1 у пос. Черноречье (г. Грозный) затруднена, вследствие качества иллюстраций (Виноградов, Савенко, 1991. Рис. 1, 10–17), но скорее связана с IV в. Могильник Лехкч-корт с каменными гробницами для многоразовых захоронений, судя по инвентарю, датируется в рамках III—первой пол. V в. (Виноградов, Петренко, 1974. Рис. 2; 3). В погр. 2 клинок принадлежал самому позднему захоронению, судя по керамике и выраженной

деформации черепа, датирующемуся не ранее V в. Погр. 6, вследствие разрушения, не содержало узко датируемых вещей. Предметы из Вольного аула и Харачойского могильника (культурно близкого могильнику Лехкч-корт) (Багаев, 2008. Рис. 148, 21) происходили из разрушенных ранне-средневековых погребений. Погребальный обряд кург. 13 Кишпек — двухкамерная широкая прямоугольная яма с деревянным перекрытием (Бетров, 1987. Рис. II) — отличается от традиционного обряда аланской культуры и лишь с большой натяжкой может быть сопоставим с катакомбным. Находка из Моздока относится к разрушенному карьером погребению (Миллер, 1941. С. 240); учитывая обширную площадь могильника, наличие деформированных черепов и территориальную близость к памятникам аланской культуры на Среднем Тереке, можно допустить, что она могла быть связана с последними.

Таким образом, абсолютное большинство находок с территории Северного Кавказа не имеет отношения к аланской культуре и происходит из иного культурного контекста — с побережья Северо-Западного Кавказа или из комплексов с неясным или не аланской культуры обрядом. Остаются только предметы из Черноречья, Змейской и, возможно, Моздока. Если сопоставить это количество клинков с выборкой исследованных комплексов аланской культуры III–IV вв. (около 1500), то первые по отношению ко вторым — статистически незначимы. В настоящее время большинство находок рассматриваемых предметов вооружения происходит из некрополей Крыма IV–V вв. (Храпунов, 2002. Рис. 72, 7, 8; 90, 1–3; 101, 3; 164, 3, 10; 164, 3, 4; 184, 3, 4; 212, 6, 7; Исследования..., 2011. С. 30; Левада, 2013. Рис. 3), включая, возможно, наиболее раннюю (Радюш, 2014. С. 237). Что касается связи крымских памятников с традициями аланской культуры по обряду и керамике⁵, то данная гипотеза основывается на недоказанном посыле и обсуждается только некоторыми специалистами по крымской археологии (Храпунов, 2002. С. 74, 79–80; Исследования..., 2011. С. 52; Власов, 2003). Вывод: формирование данного типа оружия, более вероятно, связано с Крымом, а не с Кавказом, а носители аланской культуры к его происхождению и распространению не имели отношения.

Датировка катакомбы 2 может рассматриваться в рамках первой пол. V в. Различие в локализации двух групп катакомб соотносится с некоторыми отличиями в их конструкции, хронологией инвентаря и отражает наличие различных участ-

⁴ К сожалению, кроме очень интересной и важной карты находок, в статье отсутствует анализ собственно археологических источников, вместо которого рассматриваются письменные источники и приводятся мало аргументированные исторические реконструкции.

⁵ Посуда из крымских памятников морфологически и технологически существенно отличается от керамики аланской культуры, хотя бы потому, что последняя изготовлена с использованием гончарного круга.

ков в планиграфии некрополя Змейского городища с различной хронологией.

Расположенные в стороне от этих участков курганы 1 и 2 относятся к более ранней части некрополя. Для оценки хронологии кургана 1 показателен кувшинчик с зооморфной ручкой, верхний прилеп которой оформлен в виде удлинённой морды животного (рис. 7, II, 1). Данное оформление на ручках кувшинчиков и кружек, появляясь во второй пол./конце II в. (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 76, 3), используется на протяжении большей части III в.; в IV в. оно неизвестно. Полуовальная форма ступенек, при общем сходстве конструкции со ступеньками конца IV—первой пол. V в. выраженной прямоугольной формы, отличается от последних. Данная конструкция в сравнительно широких трапециевидных входных ямах известна в первой пол.—сер. III в. (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 44; Малашев, 2018. Рис. 949; 2019. Рис. 172; 201; 273). Все это в сочетании с широкими пропорциями входной ямы, а также сводом, понижающимся от входа к передней стенке камеры, позволяет датировать комплекс в рамках III в.

Курган 2 относится к наиболее ранним комплексам аланской культуры. Его дату определяет светлоглиняная узкогорлая амфора с профилированными ручками римского времени С IVС (рис. 8, 25), датирующаяся второй четв. II—концом II/началом III в. (Внуков, 2016. С. 41—43). Форма пряжки с фигурной рамкой (рис. 8, 4) восходит к центральноевропейским застёжкам раннеримского времени и имеет аналогии в комплексах региона и восточноевропейской степи, главным образом, I—первой пол. II в. (Абрамова, 1993. Рис. 58, 10, 13—15; Труфанов, 2004. Рис. 2—4). Схема одночастного наконечника (рис. 8, 7) соотносится с наконечниками Н3а и синхронизируется с позднесарматским временем (Малашев, 2000. Рис. 2; 4, Г, 7; Габуев, Малашев, 2009. С. 124. Рис. 133, 7—11). Датировке комплекса — вторая пол. II в. — не противоречат угловая конструкция ступенек и укороченные пропорции входной ямы (рис. 7, III). Этой дате соответствуют золотые нашивные бляшки и сферические бусы, а также архаичная профилировка бортика миски (рис. 8, 2). Отметим, что в состав инвентаря входили лепной горшочек (рис. 8, 8) и пифосы (рис. 8, 12, 23), что дополнительно связывает данный комплекс с традициями памятников локального варианта на Среднем Тереке.

Остановимся на других чертах погребального обряда. В кат. 202 и 2 раскопа IV (рис. 2, III; 5, III) зафиксированы двукратные захоронения. Данная традиция, в целом, не характерна для погребальной обрядности аланской культуры второй пол. II—первой пол. V в., когда в некрополях преобладали подкурганные катакомбы, используемые для од-

нократных (индивидуальных или коллективных единовременных) захоронений. Однако известны исключения, наблюдаемые в некрополях Среднего Терека (Малашев и др., 2020. С. 447).

Там, где было можно проследить, погребённые лежали головой влево от входа, в секторе ЮВ—В; с учетом отклонений в ориентировке катакомб из-за ландшафтных особенностей это ассоциируется с традициями населения Среднего Терека (Малашев и др., 2018. С. 198; 2020. С. 443, 445). Положение погребённых как вытянуто, так и скорчено находит аналогии во всем ареале аланской культуры (Габуев, Малашев, 2009. С. 73; Малашев и др., 2018. С. 198; 2020. С. 443). Посыпка дна камеры слоем древесного угля появляется во второй пол. III в. и получает распространение в IV в.; наиболее поздние случаи фиксируются в первой пол. VII в.

Большая часть рассмотренных погребений Змейского могильника — бескурганные; наличие подкурганных захоронений фиксируется в четырех случаях (кат. 202, 340, кург. 1 и 2). Таким образом, могильник Змейского городища является курганным-грунтовым и по основным обрядовым признакам наиболее близок группе некрополей раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке, датировка которых, в основном, не выходит за пределы III — первой пол. V в. (Малашев и др., 2020. С. 447). Данные памятники, от Змейской и до, примерно, Толстой-Юрта, могут быть объединены в локальный вариант аланской культуры на Среднем Тереке (Малашев и др., 2020. С. 447, 448)⁶.

Учитывая незначительность выборки комплексов могильника, для понимания его хронологии необходимо использовать материалы поселенческого памятника, к которому он относится — Змейского городища. Первоначально оно занимало три укрепленных участка, ограниченных рвами и значительную по площади неукрепленную часть. В настоящее время памятник сильно нарушен карьером кирпичного завода; к 1990 г. полностью был уничтожен западный укрепленный участок, откуда происходила керамика, синхронная основным напластованиям Зильгинского городища. Территория, занимаемая некрополем, полностью не ясна; выявленные участки бескурганных погребений и курганы располагаются к СЗ, З и ЮЗ от городища.

Первые исследования городища были проведены на его неукрепленной части и введены в научный оборот как раскопки Змейского селища; автором памятника был ошибочно признан однослойным и синхронным катакомбному могильнику X—XIII вв. (Деопик, 1961. С. 38, 49) вслед-

⁶ Для Змейского и Нижне-Джунатского могильников нужна корректировка верхней границы, уходящая в VII в.

ствие того, что керамика из слоя рассматривалась недифференцированно. Однако исследованные напластования относились к двум различным периодам: первому, связанному со Змейским городищем раннего этапа аланской культуры и начала Раннего Средневековья, и второму — не ранее X в.

Для оценки хронологии интересующего нас первого периода важны исследования культурного слоя на периферии неукрепленной части памятника, проводившиеся 2013 г. Нижнюю хронологическую границу слоя (Бакушев, Безматерных, 2020) определяют светлоглиняные узкогорлые амфоры с профилированными ручками римского времени, наиболее ранние (С IVC) из которых датируются от второй четв. II до конца II/начала III в. (см. выше). Значительное количество фрагментов амфор из культурного слоя, а также амфора из кург. 2 позволяют ставить вопрос о роли населения городища в осуществлении контроля прохода через Эльхотовские ворота.

Верхнюю дату первого периода функционирования Змейского городища, видимо, определяют исследованные здесь гончарные горны, содержавшие керамику VII—начала VIII в. (Бакушев, 2019). Кроме того, на памятнике имеется небольшая группа погребений, обнаруженных в культурном слое периферии неукрепленной части городища, в обрядовом отношении и бедностью инвентаря отличающаяся от стандартных захоронений и датирующаяся в рамках VI—VII вв. (Бакушев, Фризен, 2016); эти комплексы, очевидно, отражают какую-то кратковременную “стрессовую” ситуацию военного или эпидемиологического характера. Для уточнения датировки некрополя и городища нужно также учитывать материалы некрополя Брутского городища (Габуев, Малашев, 2009. С. 10, 141), Бесланского городища (Коробов, Малашев, в печати) и поздней группы захоронений Нижне-Джуглатского могильников (Абрамова, 1972), не выходящие за пределы середины VII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972. 76 с.
- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э.—IV в. н.э.). М.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-30). 142 с.
- Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. 134 с.
- Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и Средневековье. VI в. до н.э.—XII в. н.э. М.: Наука, 2008. 455 с.
- Бакушев М.А. Гончарный производственный комплекс раннесредневекового времени у станицы Змейской // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гасиева, 2019. С. 95—117.
- Бакушев М.А., Безматерных А.Е. Амфоры раннеаланского Змейского поселения // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20—25 апреля 2020 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 180—183.
- Бакушев М.А., Фризен С.Ю. Раннесредневековые погребения у станицы Змейской // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф. (Грозный, 18—21 апреля 2016 г.) / Ред. М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 132—135.
- Бетров Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 11—39.
- Виноградов В.Б., Петренко В.А. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт // Советская археология. 1974. № 1. С. 171—180.
- Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Новые материалы из катакомбных могильников IV—V вв. н.э. района г. Грозного // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986—1990 гг.): тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Грозный, 1991. С. 22—26.
- Власов В.П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крым римского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 98—124.
- Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. 2016. № 2. С. 36—47.
- Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН, 2006 (Материалы охранных археологических исследований; т. 6). 152 с.
- Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гасиева, 2014. 68 с.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
- Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. Финал могильника Фронтонное 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Кры-

- му на закате античности) // *Stratum plus*. 2020. № 4. С. 235–247.
- Деоник В.Б.* Змейское средневековое селище // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии / Отв. ред. Е.И. Крупнов. Владикавказ: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1961. С. 37–50.
- Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 23–104.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 221 с.
- Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. 274 с.
- Коробов Д.С., Малашев В.Ю.* Комплексные исследования в окрестностях г. Беслан (РСО-Алания) // Археологические открытия 2020 г. М.: ИА РАН. (В печати).
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Дербента позднеаланского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и в средние века. Махачкала: Дагестанский науч. центр АН СССР, 1991. С. 87–115.
- Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху. I / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 171–187.
- Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. 149 с.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000 (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. 1). С. 194–232.
- Малашев В.Ю.* Археологические памятники южнорусских степей второй половины II – IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // Российская археология. 2007. № 3. С. 111–121.
- Малашев В.Ю.* Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника “Братские I-е курганы” в зоне строительства магистрального газопровода “Моздок–Грозный” в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. (Открытые листы №№ 410, 411) // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.
- Малашев В.Ю.* Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников “Октябрьский I” и “Киевский I” в зоне строительства магистрального газопровода “Моздок–Грозный” в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. (Открытые листы №№ 2739, 2740) // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Илюков Л.С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: МавраевЪ, 2015. 452 с.
- Малашев В.Ю., Торгоев А.И.* Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. 2018. № 4. С. 36–52.
- Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В.* Охранно-спасательные исследования могильника “Братские I-е курганы” на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 195–206.
- Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадаева З.П.* Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 2. С. 439–460.
- Миллер М.А.* Моздок, 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 238–242.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Научные школы Волгоградского государственного университета / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 1999. С. 172–212.
- Радюш О.А.* О северной границе распространения так называемых “кинжалов с вырезами” // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 231–245.
- Смирнов К.Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. 1972. № 1. С. 73–81.
- Фидаров Р.Ф., Тотаева Д.Э.* Раскопки Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСО-А в 2001 г. // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2019. С. 173–264.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Яковчик М.С., Ениосова Н.В., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Золотные нити из элитного аланского погребения у хут. Пегушин на Ставрополье // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 218–236.
- Gavritukhin I.O.* Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018 (Archäologie in Eurasien; Bd. 36). P. 49–96.

THE EARLY ALANIAN CEMETERY OF ZMEYSKAYA

Vladimir Yu. Malashev^{a, #}, Marat A. Bakushev^{b, ##}, Rustem F. Fidarov^{c, ###},
Boris Z. Karaev^{c, ####}, Anna S. Leontyeva^{a, #####}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^b Archaeological Society of Kuban LLC, Rostov-on-Don, Russia

^c Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia

[#]E-mail: malashev@yandex.ru

^{##}E-mail: bakart@mail.ru

^{###}E-mail: ziglo@yandex.ru

^{####}E-mail: aslesgor@mail.ru

^{#####}E-mail: ananyeno@yandex.ru

The article analyzes the catacombs of the Alan culture of the second half of the 2nd — the first half of the 5th century at the cemetery of the Zmeyskaya fortified settlement. The burial ground is similar to the necropolises of the Alan culture in the Middle Terek region, which were united as its local variety. Materials from the occupational layer of the Zmeyskaya fortified settlement are also significant for the purpose of chronological assessment. The lower boundary of the complex of sites is estimated by the finds of amphorae, the earliest of which date back to the second quarter of the 2nd — late 2nd/early 3rd century. The upper boundary is determined by the kilns of the 7th — early 8th century. For its clarification, materials from the Brut 2 and Beslan cemeteries and the late group of burials of Lower Dzhulat, which do not go beyond the middle of the 7th century, are important.

Keywords: the North Caucasus, the Alan culture, cemetery of the Zmeyskaya fortified settlement, catacombs, the second half of the 2nd — first half of the 5th century.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1972. Nizhne-Dzhulatskiy mogil'nik [The Nizhny Dzhulat cemetery]. Nal'chik: El'brus. 76 p.
- Abramova M.P., 1993. Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e.—IV v. n.e.) [Central Cis-caucasia in the Sarmatian period (3rd century BC—4th century AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Abramova M.P., 1997. Rannie alany Severnogo Kavkaza [Early Alans of the North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 165 p.
- Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e.—IV v. n.e.) [Fibulae of the south of the USSR's European part (2nd century BC—4th century AD)]. Moscow: Nauka. 142 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-30).
- Ambroz A.K., 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza [Chronology of antiquities of the North Caucasus]. Moscow: Nauka. 134 p.
- Bagayev M.Kh., 2008. Kul'tura gornoy Chechni i Dagestana v drevnosti i Srednevekov'e. VI v. do n.e. — XII v. n.e. [The culture of highland Chechnya and Dagestan in antiquity and the Middle Ages. The 6th century BC—12th century AD]. Moscow: Nauka. 455 p.
- Bakushev M.A., 2019. Pottery production complex of the early medieval period near Zmeyskaya. Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii [Archaeological heritage: materials and interpretations]. R.F. Fidarov, ed. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V.A. Gassieva, pp. 95—117. (In Russ.)
- Bakushev M.A., Bezmaternykh A.E., 2020. Amphorae of the early Alanian settlement of Zmeyskaya. Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [The archaeological heritage of the Caucasus: topical issues of study and preservation. XXXI Krupnov readings: Proceedings of the International scientific conference to the 50th anniversary of the Krupnov readings and the 50th anniversary of the Derbent archaeological expedition]. M.S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavraev, pp. 180—183. (In Russ.)
- Bakushev M.A., Frizen S.Yu., 2016. Early medieval burials near Zmeyskaya. Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov readings: Proceedings of the International scientific conference]. M.Kh. Bagayev, Kh.M. Mamaev, eds. Groznyy: Chechenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 132—135. (In Russ.)
- Betrozov R.Zh., 1987. Mounds of the Hunnic period near the settlement of Kishpek. Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii [Archaeological research on new construction sites in Kabardino-Balkaria]. V.A. Kuznetsov, ed. Nal'chik: El'brus, pp. 11—39. (In Russ.)
- Deopik V.B., 1961. The medieval fortified settlement of Zmeyskaya. Materialy po arkheologii i drevney istorii Severnoy Osetii [Materials on archaeology and early history of North Ossetia], 1. Arkheologicheskie raskopki v rayone Zmeyskoy Severnoy Osetii [Archaeological excavations in the area of Zmeyskaya in North Ossetia]. E.I. Krupnov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 37—50. (In Russ.)

- Fidarov R.F., Totaeva D.E.*, 2019. Excavations of the Zmeyskaya catacomb cemetery in Kirovsky district of the Republic of North Ossetia-Alania in 2001. *Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii* [Archaeological heritage: materials and interpretations]. R.F. Fidarov, ed. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V.A. Gassieva, pp. 173–264. (In Russ.)
- Gabuev T.A.*, 2014. Alanskies knyazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoy Osetii [Alanian princely burial mounds of the 5th century AD near the village of Brut in North Ossetia]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V.A. Gassieva. 68 p.
- Gabuev T.A., Malashev V.Yu.*, 2009. Pamyatniki rannikh alantentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alanian sites of the central regions of the North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Gavritukhin I.O.*, 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, pp. 49–96. (Archäologie in Eurasien, 36).
- Gavritukhin I.O., Mastykova A.V., Sviridov A.N., Sukhanov E.V., Yazikov S.V.*, 2020. The finale of the Fronto-voye 3 burial ground (on the study of migrations in the South-Western Crimea at the demise of antiquity). *Stratum plus*, 4, pp. 235–247. (In Russ.)
- Issledovaniya mogil'nika Neyzats [Study of the Neizats cemetery]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, 2011. 274 p.
- Khazanov A.M.*, 1971. Ocherki voennogo dela sarmatov [Studies on the military art of the Sarmatians]. Moscow: Nauka. 172 p.
- Khrapunov I.N.*, 2002. Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.) [The Druzhnoye cemetery (3rd–4th centuries AD)]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 p.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu.* Comprehensive research in the vicinity of Beslan (North Ossetia-Alania). *Arkheologicheskie otkrytiya 2020 g.* [Archaeological discoveries of 2020]. Moscow: IA RAN. (In print). (In Russ.)
- Kudryavtsev A.A., Gadzhiev M.S.*, 1991. Burial sites of Derbent of the late Albanian period (based on materials from excavation site XIV). Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i v srednie veka [Mountains and plains of the North-East Caucasus in antiquity and the Middle Ages]. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr AN SSSR, pp. 87–115. (In Russ.)
- Levada M.E.*, 2013. On the influence of the Alanian military traditions on the East Germanic peoples. Krym v sarmatskuyu epokhu [The Crimea in the Sarmatian period]. I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 171–187. (In Russ.)
- Malashev V.Yu.* Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh mogil'nika "Bratskie 1-e kurgany" v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda "Mozdok–Groznyy" v Nadterechnom rayone Chchenskoy Respubliki v 2018 g. (Otkrytye listy №№ 410, 411) [Report on salvage investigations of the 1st Bratskoye mound cemetery in the construction area of the Mozdok–Grozny gas pipeline in Nadterechny District of the Chechen Republic in 2018 (Excavation permits No. 410, 411)]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1.
- Malashev V.Yu.* Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh kurgannykh mogil'nikov "Oktyabr'skiy I" i "Kievskiy I" v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda "Mozdok–Groznyy v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya v 2019 g. (Otkrytye listy №№ 2739, 2740) [Report on salvage investigations of the Oktyabr'skiy I and Kievskiy I mound cemeteries in the construction zone of the Mozdok–Grozny gas pipeline in Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019 (Excavation permits Nos. 2739, 2740)]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1.
- Malashev V.Yu.*, 2000. Periodization of belt sets of the Late Sarmatian period. Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbours on the River Don]. Yu.K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, 1). (In Russ.)
- Malashev V.Yu.*, 2001. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka [Pottery of the early medieval cemetery of Mokraya Balka]. Moscow: IA RAN. 149 p.
- Malashev V.Yu.*, 2007. South Uralian archaeological sites of the second half of the 2nd–4th c. AD: the Late Sarmatian or Hun-Sarmatian culture (analysis of finds). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 111–121. (In Russ.)
- Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Il'yukov L.S.*, 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e. [The Land of Maskuts on the western coast of the Caspian Sea. Coastal Dagestan mound cemeteries of the 3rd–5th cc. AD]. Makhachkala: Mavraev"". 452 p.
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Kadzaeva Z.P.*, 2020. Salvage investigation of the Oktyabr'skiy I and Kievskiy I cemeteries of the early stage of the Alan culture on the Middle Terek in Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archaeology and ethnography of the Caucasus], vol. 16, no. 2, pp. 439–460. (In Russ.)
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Krivosheev M.V.*, 2018. Salvage investigation of the 1st Bratskoye mound cemetery in the Chechen Republic in 2018. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archaeology and ethnography of the Caucasus], vol. 14, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.)
- Malashev V.Yu., Torgoev A.I.*, 2018. T-shaped catacombs of the Sarmatian period in the Northern Caucasus and Central Asia. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 36–52. (In Russ.)
- Miller M.A.*, 1941. Mozdok, 1935. Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya [Archaeological research in the RSFSR of 1934–1936. Brief reports and information]. M.I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 238–242. (In Russ.)
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu.*, 1999. Chronology and typology of Sarmatian catacomb burial structures. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu ran-*

- nego zheleznogo veka i srednevekov'ya. Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Archaeology of the Volga-Ural region in the early Iron Age and the Middle Ages. Scientific schools of Volgograd State University]. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 172–212. (In Russ.)
- Radyush O.A.*, 2014. On the northern extremity of the distribution of the so-called “daggers with cutouts”. *Stratum plus*, 4, pp. 231–245. (In Russ.)
- Smirnov K.F.*, 1972. Sarmatian catacomb burials in the Southern Urals, the Volga region and their relation to the catacombs of the North Caucasus. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 73–81. (In Russ.)
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A.*, 1974. The cemetery of the Sarmatian period on the Lehkch-Kort mountain. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 171–180. (In Russ.)
- Vinogradov V.B., Savenko S.N.*, 1991. New materials from the catacomb cemeteries of the 4th–5th centuries AD in the vicinity of Grozny. *Arkheologiya na novostroykakh Severnogo Kavkaza (1986–1990 gg.): tezisy dokladov regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Archaeology in new construction sites of the North Caucasus (1986–1990): Abstracts of the Regional scientific and practical conference]. Groznyy, pp. 22–26. (In Russ.)
- Vlasov V.P.*, 2003. North Caucasian parallels in the Crimean hand-made pottery of the Roman and early medieval periods. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica], X. Simferopol', pp. 98–124. (In Russ.)
- Vnukov S.Yu.*, 2016. On the typology, evolution and chronology of light-clay (Late Heracleian) narrow-necked amphorae. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 36–47. (In Russ.)
- Voronin K.V., Malashev V.Yu.*, 2006. Pogrebal'nye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoy zony Respubliki Ingushetiya [Burial sites of the Bronze and Early Iron Ages in the flatland of the Republic of Ingushetia]. Moscow: IA RAN. 152 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 6).
- Yakovchik M.S., Eniosova N.V., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G.*, 2018. Gold threads from the high-status Alanian burial near Pegushin Farmstead in Stavropol Region. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 251, pp. 218–236. (In Russ.)
- Zasetskaya I.P.*, 1993. Materials of the Bosporus necropolis of the second half of the 4th – first half of the 5th century AD. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica], III. Simferopol': Tavriya, pp. 23–104. (In Russ.)
- Zasetskaya I.P.*, 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.) [Culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic period (the late 4th–5th century)]. St. Petersburg: Ellips. 221 p.